

Т. ИГЛТОН,

проф. теории культуры,
ведущий литературовед и философ,
лауреат Дойчеровской мемориальной премии
Манчестерский университет, Великобритания
e-mail: manchester.ac.uk

МЕДЛЕННАЯ СМЕРТЬ УНИВЕРСИТЕТА¹

Представлен анализ современного состояния университетского образования в глобальном образовательном пространстве. На примере Великобритании выявлены основные тенденции эволюции университетов. Особое внимание автора сосредоточено на проблеме бюрократизации административного управления вузами. Выявлено реальное соотношение образовательного процесса и научных исследований в вузах, а также показаны возможные последствия влияния процесса коммерциализации образовательных услуг (так называемой «экономики знаний») на систему высшего образования. В связи с развитием «экономики знаний» определено конкретное место гуманитарных наук в системе современного высшего образования. Поставлена проблема возрождения престижа классического университета в обществе, в связи с чем в дискуссионном порядке сформулированы соответствующие авторские предложения.

Ключевые слова: классический университет, эволюция классического университета, сеть бюрократии, бюрократизация административного управления вузом, экономика знаний, погоня за студенческими кошельками, почетное прошлое университета.

SLUGGISH DEATH OF THE UNIVERSITY

T. Eagleton is prof. in Theory of Culture at Manchester University of Great Britain

Presented is analysis of modern state of university education as to global educational space. Based on example of Great Britain, the author elaborates principal tendencies in evolution of universities. Special attention of the author is concentrated on the problem of bureaucratization of administrative management at high schools. Revealed is real ratio between educational process and scientific research at high schools, as well as shown are possible consequences of impact of the process of commercialization of educational services, i.e. so-called "economics of knowledge", on the system of higher education. In connection with development of "economics of knowledge", determined is concrete place of humanitarian knowledge in the system of modern higher education. Also proposed is formulation of the question of renewing of prestige of classic university in society, in connection with such some suitable proposals are offered by the author.

Key words: classic university, evolution of classic university, network of bureaucracy, bureaucratization of administrative management at high school, economics of knowledge, search for students' purses, honorable heritage of university.

Несколько лет назад мне устроили экскурсию по одному из больших и весьма передовых в научно-техническом отношении образовательных учреждений Азиатского региона. Экскурсию проводил сам ректор университета – именитая фигура в научно-образовательном сообществе.

Как и подобает такой VIP-персоне, ректор передвигался в сопровождении двух крепких молодых телохранителей в черных костюмах и темных очках: вероятно, под куртками у обоих имелись автоматы Калашникова. Восхищаясь новой замечательной бизнес-школой и самым современным институтом управленческих исследований, ректор сделал паузу, ожидая, что тут я вставлю пару слов грубой лести. Вместо этого я заметил, что, кажется, на территории его кампуса не ведется никаких критических исследований. Ректор посмотрел на меня с удивлением: будто я спросил, сколько степеней доктора философии вуз ежегодно присваивает за танцы на шесте. Сухо ответил: «Мы учтем Ваше замечание».

После этого ректор достал из кармана маленький образчик передовых технологий, легким взмахом открыл таковой и произнес несколько резких слов по-корейски: возможно, это был приказ охранникам «убить его!». Прибыл лимузин размером с площадку для игры

в крикет, охрана погрузила в него ректора и машина уехала. Наблюдая, как машина исчезает из поля зрения, я задумался, когда же приведут в исполнение мой смертный приговор.

Это случилось в Южной Корее. Но могло произойти практически в любой точке планеты. От Кейптауна до Рейкьявика, от Сиднея до Сан-Паулу неуклонно развертывается событие, такое же значимое в своем роде, как кубинская революция или вторжение в Ирак – медленная смерть университета как центра гуманитарной критики.

Эволюция классического университета

Университеты, имеющие в Великобритании 800-летнюю историю, традиционно высмеивались как «башни из слоновой кости». В таких обвинениях всегда была доля правды.

Однако дистанция, которую они устанавливали между собой и обществом, могла быть как пагубной, так и благотворной: она давала возможность размышлять о ценностях, целях и интересах общественного порядка, настолько слившихся с сиюминутными практическими задачами, что это почти лишало способности к самокритике. Во всем мире эта критическая дистанция сегодня

¹ Оригинал статьи см.: *The Chronicle of Higher Education* — [URL]: <http://scepis.net>. Перевод на русский язык: Е. Бучкина под редакцией Д. Субботина.

сократилась почти до нуля, а институты, произведшие на свет Эразма и Джона Мильтона, Эйнштейна и «Монти Пайтон», капитулировали перед беспощадными приоритетами глобального капитализма.

Многое из того, о чем я пишу, знакомо американским читателям. Ведь именно Стэнфорд и Массачусетский технологический институт создали саму модель приносящего доход университета. Но то, что происходит с высшим образованием в Великобритании, можно назвать американизацией без выгоды: по крайней мере без выгоды американского частного образовательного сектора.

С этим столкнулись даже такие классические институты английской аристократии, как Оксфорд и Кембридж, чьи колледжи всегда были в какой-то степени изолированы от влияния широких экономических сил благодаря тем щедрым пожертвованиям, которые они получали веками. Несколько лет назад я оставил кафедру в Оксфордском университете (событие почти столь же редкое, как землетрясение в Эдинбурге), когда осознал: от меня ожидают, что я буду вести себя скорее не как ученый, а как гендиректор.

Когда я впервые пришел в Оксфорд 30 лет назад, на подобную профессионализацию посмотрели бы с патрицианским презрением. Те мои коллеги, которые действительно были озабочены получением степени доктора философии, предпочитали порой обращение «мистер», а не «доктор», т.к. последнее указывало на род занятий, неприличествующий джентльмену. Издание книг считалось довольно вульгарным занятием. В порядке вещей было напечатать одну краткую статью о синтаксисе португальского или гастрономических привычках древнего Карфагена примерно раз в десять лет. Было время, когда тьюторы могли не беспокоиться даже о том, чтобы согласовать со своими студентами время встреч. Вместо этого студенты, когда у них возникало желание выпить стаканчик хереса и завязать интеллектуальную беседу о Джейн Остин или функциях поджелудочной железы, должны были просто заглянуть в комнату тьютора.

Сегодня «Оксбридж» по большей части сохраняет свою корпоративную этику. «Доны», главы колледжей, решают, как инвестировать деньги колледжа, какие цветы посадить в саду, чьи портреты вывесить в профессорской, как лучше объяснить своим ученикам, почему на винный погреб они тратят больше, чем на библиотеку. Все важные решения члены ученого совета принимают в полном составе, и все, от финансовых и академических дел до управленческих рутинеров, утверждают комитеты ученых, несущие ответственность перед всем ученым советом.

В последние годы эта замечательная система самоуправления вынуждена была противостоять ряду централизованных мероприятий вузовской администрации – вроде тех, что заставили меня уволиться. Но в общем и целом система держалась стойко. Именно потому, что колледжи «Оксбриджа» по большей части несоответствующие духу времени институты. Они обладают небольшим перевесом, который позволяет им служить в качестве модели децентрализованной демократии – несмотря на те возмутительные привилегии, которыми они продолжают наслаждаться.

Университеты и бюрократия

В других университетах Великобритании сложилась совсем иная ситуация. Вместо самоуправления ученых здесь господствует иерархия: разветвленная и запутанная сеть бюрократии, младшие преподаватели – рабочие лошади – и проректоры, которые ведут себя так, будто руководят «Дженерал Моторс». Старшие преподаватели стали теперь старшими менеджерами, кругом слышны разговоры об аудите и бухгалтерском учете. На книги – отжившее, унылое явление дотехнологической эпохи – все чаще смотрят с неодобрением. По крайней мере, один британский университет ограничил количество книжных полок, которые преподаватели могут иметь в своих кабинетах, чтобы воспрепятствовать созданию «личных библиотек». Корзины для бумаг стали такой же редкостью, как интеллектуалы в «Движении чаепития», т.к. «бумага» ушла в прошлое.

Мещане, сидящие в креслах администраторов, покрывают кампусы глупыми логотипами и издают варварские, безграмотно написанные приказы. Проректор из Северной Ирландии присвоил себе единственное общее помещение кампуса, которое делили между собой сотрудники и студенты, чтобы превратить его в закрытый обеденный зал, где он мог бы развлекать местных важных персон и предпринимателей. Когда студенты отказались покидать это помещение в знак протеста, он приказал своим охранникам разгромить единственный находившийся рядом туалет. Британские проректоры годами разрушали собственные университеты, но редко настолько буквально. В том же кампусе охрана гоняла студентов, если видела, что они «слоняются без дела». Университет без таких взлохмаченных непредсказуемых случаев был бы идеален.

В эпицентре развала образования оказались припертые к стенке гуманитарии. Британское государство продолжает выделять университетские гранты на точные науки, медицину, инженерное дело и прочее, но оно перестало тратить хоть сколько-нибудь существенные средства на гуманитарные дисциплины. Нет сомнений, что если ситуация не изменится, в ближайшие годы будут закрыты целые гуманитарные факультеты. Если филологические факультеты и выживут, то, возможно, лишь для того, чтобы учить студентов с отделения бизнеса расставлять точки с запятой.

Это весьма далеко от того, к чему стремились Нортроп Фрай и Лайонел Триллинг. Гуманитарные факультеты теперь должны содержаться в основном за счет средств, получаемых от платного обучения. Это означает, что небольшие учреждения, практически полностью зависящие от такого источника дохода, успешно приватизированы втайне от общественности.

Частные университеты, которым Великобритания долго сопротивлялась, подбираются все ближе. А правительство премьер-министра Дэвида Кэмерона курировало резкий скачок расценок за обучение, и теперь студенты, зависящие от кредитов и обремененные долгами, по понятным причинам требуют высоких стандартов преподавания и более индивидуального подхода за свои день-

ги, в то время как гуманитарные факультеты сажают на скудный финансовый паек.

Кроме того, в какой-то момент в британских университетах обучение стало менее важным делом, чем научные исследования. Деньги приносят именно исследования, а не курсы по истории экспрессионизма или Реформации. Раз в несколько лет британское государство проводит тщательную инспекцию каждого университета, на месте изучая в мельчайших подробностях результаты научных исследований каждой кафедры. Именно на этом основании предоставляются государственные субсидии. Таким образом, у ученых теперь всё меньше стимулов посвятить себя преподаванию, но много причин писать ради самого письма, штампуя абсолютно бессмысленные статьи, основывая бесчисленные онлайн-журналы, пунктуально подавая заявки на внешние исследовательские гранты вне зависимости от реальной нужды в них и получая противоестественное удовольствие, добавляя все новые строчки в свое резюме.

В любом случае, огромный рост бюрократии в британском высшем образовании, вызванный расцветом управленческой идеологии и жесткими требованиями государственной аттестации, означает, что у ученых теперь остается гораздо меньше времени на подготовку к занятиям, даже если они еще кажутся им достойным делом – что в последние годы представляется весьма сомнительным. Государственные инспекторы начисляют баллы за статьи с непроходимыми дебрями сносок, но популярный учебник, предназначенный для студентов и широкого круга читателей, обладает для них небольшой ценностью. Ученые, повышающие свой преподавательский статус, скорее всего, возьмут отпуск, отнимая время от самого преподавания, чтобы потратить его на дальнейшие исследования.

Они заработали бы еще больше баллов, если бы вообще ушли из науки и приказали долго жить, сохранив своим финансовым хозяевам столь неохотно выдаваемое жалование и позволив бюрократам развернуть свою деятельность среди и без того перегруженных преподавателей. Многие ученые в Великобритании уже осознали, как страстно их учреждение хотело бы, чтобы все они уволились, кроме немногих известных имен, способных привлечь больше новых клиентов. Вот и выходит, что нет недостатка в преподавателях, стремящихся уйти на пенсию досрочно, учитывая, что несколько десятилетий назад британская наука была весьма желанным местом работы, но теперь стала невыносимым местом для многих, кто занят в этой сфере. Впрочем, сыпя на рану еще немного соли, власти собираются урезать и преподавательские пенсии.

Экономика знаний

По мере того как преподаватели становятся менеджерами, студенты превращаются в потребителей. Университеты ставят друг другу подножки, пытаются сохранить средства в бесстыдной борьбе. Как только студенты оказываются в их руках, вузы начинают давить на преподавателей, чтобы те не ставили плохих оценок, ведь это риск потерять деньги. Общая идея состоит в том, что про-

вал студента – это вина педагога, точно так же как в больницах ответственность за смерть пациента возлагают на медицинский персонал.

Одним из результатов погони за студенческими кошелками стало увеличение количества курсов, разработанных с учетом того, что модно сегодня у 20-летних. В моей дисциплине, английской филологии, модны вампиры, а не поэты Викторианской эпохи, сексуальность, а не Шелли, фанатские журналы, а не Фуко, современный мир, а не Средневековье. Вот сколь сильно стало влияние глубинных политических и экономических сил на составление учебных планов. Любой филологический факультет, который сосредоточит свои усилия на англосаксонской литературе XVIII в., будет рубить сук, на котором сидит.

Жадные до денег, некоторые британские университеты позволяют сегодня студентам, никак не проявившим себя в бакалавриате, поступить в магистратуру, а иностранные студенты (вынужденные, как правило, платить втридорога) могут оказаться в докторантуре, не владея уверенно английским языком. Долгое время презиравшие курс литературного мастерства как вульгарное американское занятие факультеты английской филологии вынуждены теперь нанимать отчаяния второсортных писателей или слабых поэтов, чтобы привлечь графоманские орды потенциальных Пинчонов¹. Их цинично обчищают до нитки, прекрасно понимая, что шанс напечатать в лондонском издательстве чей-то первый роман или томик стихов, пожалуй, меньше, чем шанс проснуться и понять, что вы превратились в гигантского жука.

Конечно, образование должно реагировать на потребности общества. Но это не значит, что стоит полностью подчинять себя нуждам современного капитализма. В действительности, бросив вызов этой отчужденной модели обучения, можно удовлетворить нужды общества гораздо лучше. Средневековые университеты великолепно служили широким слоям общества, но они делали это, выпуская священников, юристов, теологов и чиновников, помогавших укрепить церковь и государство, а не хмурясь при виде любой интеллектуальной деятельности, не сулящей быстрой прибыли.

Но времена изменились. Для британского государства все финансируемые им научные исследования должны быть теперь частью так называемой экономики знаний, и их влияние на общество должно стать измеримым. Это влияние проще оценить для авиационных инженеров, чем для историков Античности. В игре с такими правилами скорее победят фармацевты, чем феноменологи. Те, кто не привлекают выгодные гранты от частного бизнеса или не может заинтересовать большее число студентов, переживают состояние хронического кризиса. Научные заслуги зависят от того, сколько денег вы способны заработать, в то время как хорошее образование приравнивается к трудоустройству. Не лучшее время для палеографов или нумизматов – специалистов, даже смысл названия профессий которых мы вскоре пе-

¹ Томас Пинчон – американский писатель, один из основоположников «школы черного юмора», ведущий представитель постмодернистской литературы второй половины XX в.

рестанем понимать, не говоря уже о том, чтобы работать в качестве таковых.

Последствия снижения роли гуманитарного образования могут ощутить все, вплоть до средней школы, где изучение языков катится под откос, изучение истории ограничивается лишь новой историей, а изучение классики в целом ограничено частными учреждениями вроде Итона. Борис Джонсон, известный итонец и мэр Лондона, постоянно вставляет в свои публичные заявления отсылки к Горацию. Действительно, философы всегда могут открыть на углу службу помощи, отвечающую на вопросы о смысле жизни, а лингвисты – установить пункты своих услуг в самых оживленных местах, где может потребоваться что-то перевести.

В общем идея состоит в том, что университеты должны оправдывать свое существование, помогая бизнесу. Если воспользоваться холодной формулировкой правительственного отчета, они должны работать как «консультационные организации». В действительности сами вузы стали высокодоходной отраслью, в которой работают отели, концертные и спортивные залы, точки общественного питания и прочее.

Если гуманитарные науки чахнут на корню, то причина в том, что они послушны капиталистическим силам и при этом лишены средств к существованию. В британском высшем образовании отсутствует традиция частных пожертвований, принятая в Соединенных Штатах, главным образом потому, что в Америке гораздо больше миллионеров, чем в Великобритании. Кроме того, мы говорим об обществе, в котором, в отличие от Соединенных Штатов, образование традиционно не рассматривается как товар, который можно покупать и продавать. В самом деле, большинство студентов в сегодняшней Великобритании, вероятно, убеждено в том, что образование должно быть бесплатным, как в Шотландии. Хотя здесь очевидна степень личной заинтересованности, это мнение также достаточно справедливо. Обучение молодых людей, как и защиту их от серийных убийц, следует рассматривать в качестве социальной ответственности, а не как источник получения прибыли.

Заключение

Сам я, будучи получателем государственной стипендии, семь лет учился в Кембридже совершенно бесплатно. Да, рабская зависимость от государства в столь юном возрасте сделала меня мягкотелым и деморализованным, я не стою твердо на ногах и не смогу защитить свою семью с оружием в руках, если будет такая необходимость. В моей малодушной зависимости от государства

я дошел до того, что знаю, как вызвать пожарных, вместо того чтобы тушить пожар своими мозолистыми руками. Но несмотря на эту слабость, я готов отдать мужественную независимость за семь бесплатных лет в Кембридже.

Да, когда я учился, студентами были лишь 5% населения Великобритании, и кое-кто утверждает, что сегодня, когда эта цифра достигла 50%, такая духовная щедрость стала нам просто не по карману. Тем не менее, допустим, Германия предоставляет бесплатное образование значительному числу своих студентов. Если британское правительство всерьез хочет снять с плеч молодого поколения невыносимо тяжкое бремя, оно могло бы сделать это за счет повышения налогов для некоторых богатых до неприличия граждан и взыскания миллиардов, которые ежегодно исчезают из-за уклонения от уплаты налогов.

Это также возродило бы почетное прошлое университета как одного из немногих мест в современном обществе (другое – искусство), где преобладающие идеологии могут подвергаться пристальному изучению. Что если ценность гуманитарных наук состоит не в умении приспосабливаться к доминирующим идеям, а в способности им противостоять? Приспособление как таковое не имеет ценности. В былые времена деятели искусства были гораздо более, чем в современную эпоху, встроены в общество, но, помимо прочего, это значило, что они часто становились идеологами, агентами политической власти, защитниками существовавшего положения. Современный деятель искусства, напротив, не находит в социальном порядке столь безопасной ниши, но именно по этой причине он отказывается принимать как должное почтительность к авторитетам.

Однако пока не создана лучшая система, я решил разделить участь твердолобых мещан и грубых искателей выгоды. К моему стыду, я теперь вынужден спрашивать старшекурсников в начале семестра, могут ли они позволить себе мое великолепное понимание литературных произведений в лучшем виде или же им придется ограничиться добротным, но менее блестящим анализом.

Устанавливать цену в зависимости от степени погружения в текст – неприятное занятие и, возможно, не лучший способ создать дружелюбные отношения со студентами. Но оно логически следует из нынешнего академического климата. Кое-кто сетует, что этот климат создает индивидуальные различия между студентами, но хочу заметить, что те, кто не в состоянии заплатить за мои наиболее проницательные изыскания, могут свободно перейти на бартерную основу. Свежая выпечка, бочонки домашнего пива, вязаные свитера и обувь ручной работы – всё подойдет. В конце концов, в жизни есть вещи поважнее денег.